

Слово берут те, кому есть, что сказать, или Пастер Нак и проект Артс в «Акрополе»

Группа «Пастер Нак», Татьяна Скрудзь в составе проекта «АРТС» и Дмитрий Ремзин — это те немногие липецкие артисты, которые пытаются говорить вслух то, о чём остальные молчат, и делают они это необычным для Липецка способом — через режущую слух рифму и заставляющую «шевелить извилины» музыку.

Татьяна Скрудзь — участница проекта АРТС. Девушка с глубоким взглядом, устремлённым вдаль, скромно сидящая в полумраке «Акропля». Девушка в берцах, удивительным образом подчёркивающих её хрупкость, с зачаровывающим голосом и до глубины души поражающими текстами.

Татьяна Скрудзь обнажает социальные пороки общества, рассказывает о наблевшем и делится своим сокровенным.

Фотография 1 из 2.

Для просмотра галереи нажмите на фото.

Фотография 2 из 2.

Для просмотра галереи нажмите на фото.

— С чего всё началось? Как вы начали писать стихи?

— Кажется, я всегда писала, с детства, по-крайней мере, с юности, и не могу назвать момент, когда создала что-то существенное. Однажды пришло в голову заняться литературой профессионально, поступила в литературный институт [Литинститут им.Горького, г.Москва — прим.ред.], организовала клуб в Липецке, стала выступать сама.

— Как пришли к аудиообработке своих стихов?

— В процессе организации поэтических выступлений. Мы всегда старались оформлять такие мероприятия музыкально. На этом фоне возникла идея обработать некоторые из моих стихов. Помогли друзья-музыканты.

— Вы сегодня впервые выступаете в Липецке?

— В таком составе да. Но публика, по большей части, знакомая, потому что мы выступали отдельными проектами — музыканты работают для этих же людей, я выступала несколько раз в составе мероприятий нашего клуба [речь идёт о клубе «Чорная кошка» — прим. ред.].

— А если сравнивать московского и липецкого слушателя, есть ли отличия?

— Если на поверхности, то московский слушатель более ленив и критичен. Очевидно, что в Москве выбор представляемого творчества разнообразнее и предложений больше. Для Липецка то, что мы делаем, довольно необычно, хотя направление не новое. Сама мелодекламация существует не один век, а в альтернативном виде, в виде рок-поэзии, мы

можем вспомнить пример XX века: яркие тексты Джима Моррисона, например. В России сейчас популяризует этот жанр Юрий Шевчук. Вера Полозкова, кажется, тоже начала что-то подобное делать.

— А у нас в Липецке?

— Здесь этим же занимается Дима Ремзин совместно с «Пастер Наком». Если подобным занимается кто-то ещё, я не слышала.

— О чём Вы сегодня будете говорить?

— Однозначно невозможно сказать, потому что каждый стих имеет свою тему. Вот, с Ремзиным [Дмитрий Ремзин (Сингапур), липецкий поэт — прим. ред.] решили устроить совместный концерт, потому что у нас одна близкая остро социальная тематика. Но у меня более размыто всё, есть и любовная лирика, и религиозные мотивы. Одну ведущую интонацию я не могу выделить.

— Чего точно не найдёт слушатель в вашем творчестве?

— Попсы точно не найдёт, — смеется Татьяна. — То, что я делаю, в корне не популярно, не массово. И музыка вполне специфическая. Это не бард и не арт-рок, которые многими столь любимы. Если говорить о стихах, то это или любовь, или жизнь, нечто актуальное для меня и, как я считаю, мира.

— Дмитрий Ремзин говорит, что он сказочник, а вы к кому причислили бы себя?

— Нет, я не сказочник, и не фантазёр, — говорит девушка со смехом. — Скорее я реалист, в стихах где-то пересекаюсь с символизмом.

— Есть авторы, которые на вас, на ваше творчество повлияли, может кто-нибудь из поэтов-символистов?

— Да, конечно, их много, и любимчики постоянно меняются, так как я всё время кого-то для себя открываю — и современников, и даже классиков. Я воспитывалась на поэзии Лермонтова, Гумилева, Хлебникова, Маяковского. Но меня больше вдохновляла проза, как ни странно.

— Выходит, вам проза ближе?

— Да, наверное. Я читаю больше прозу.

— А занимаетесь поэзией...

— На данный момент и поэзией, и музыкой. Так получилось, что я занимаюсь несколькими проектами сразу, музыкальный — один из них. Я всегда была окружена музыкантами и поэтами, росла в этой среде, да и Липецк всегда был достаточно музыкальным городом.

— А вы сами играете на музыкальных инструментах?

— Нет, никогда не играла, никакого музыкального образования у меня нет.

— Вы сказали, что Липецк — музыкальный город. В чём эта музыкальность проявляется?

— Эта музыкальность стала особенно заметна в начале-середине 90-х, когда складывалась неформальная интеллигентская тусовка. Почему-то в ней всегда было больше музыкантов, чем представителей других видов искусства.

— Тот же Дмитрий Ремзин находит Липецк отстающим в музыкальном плане. Что вы думаете по этому поводу?

— Я не могу назвать наш город отстающим, это же провинция, а для любой провинции не быть на вершине культурного развития — естественно. Напротив, Липецк — город развивающийся. И в культурном плане тоже.

— Чего по вашему не хватает Липецку?

— Всегда считала, что здесь не хватает свободы — свободы мысли, смелости творческого выражения. Этого нет в самих людях. Страх перемен и провинциальный консерватизм многому мешают. Что-то новое чаще всего воспринимается тяжело.

— Но динамика прослеживается или нет?

— Разумеется. В последние пять лет наблюдается резкий скачок в культурном плане и в молодёжной среде, и в творческой, это видно и это здорово.

А на десерт представляем читателям одно из поэтических произведений Татьяны Скрундзь

Знаешь, я видела твоего Будду...

Знаешь, я видела твоего Будду.

Он сидел под раскидистым дубом и писал поэму.

Он действительно невероятно худ, и задуман так, будто никогда не мотало его во времени.

Если он говорит, то исключительно птичьим языком, а если молчит, то кажется что не серьезно.

Личности перед ним сгорают так же стремительно, как спички, а его собственная личность не более, чем курьез.

Но

знаешь, я не рискнула с ним говорить, ему это не нужно, а мне и подавно - только б не впасть в нирвану.

Пусть себе сидит, по ним уже образовалась лужа.

Он не видит ее, таким вообще все по барабану.

Да, он красив, даже в куче дерьма сидя -

умеющие летать прекрасны вовсе не тем, что в перьях...

Знаешь, можно существовать вот так и никого не обидеть, и никому не служить, и совсем ни во что не верить.

Хочешь?

У тебя бы вышло, ты знаешь, ты был на пороге.

Тащили, оттаскивали, говорили: «Вернись, любимый!», а Будда накладывал на воздух все новые и новые строки, и воздух дышал и жил, и это было красиво.

И все-таки что-то мешало нырнуть с головой в фекалии, а почему-то хотелось неведомого причащения.

Знаешь, простыми, не такими, как Бодхисатва стали мы еще до рождения... и уже тогда мы верили.